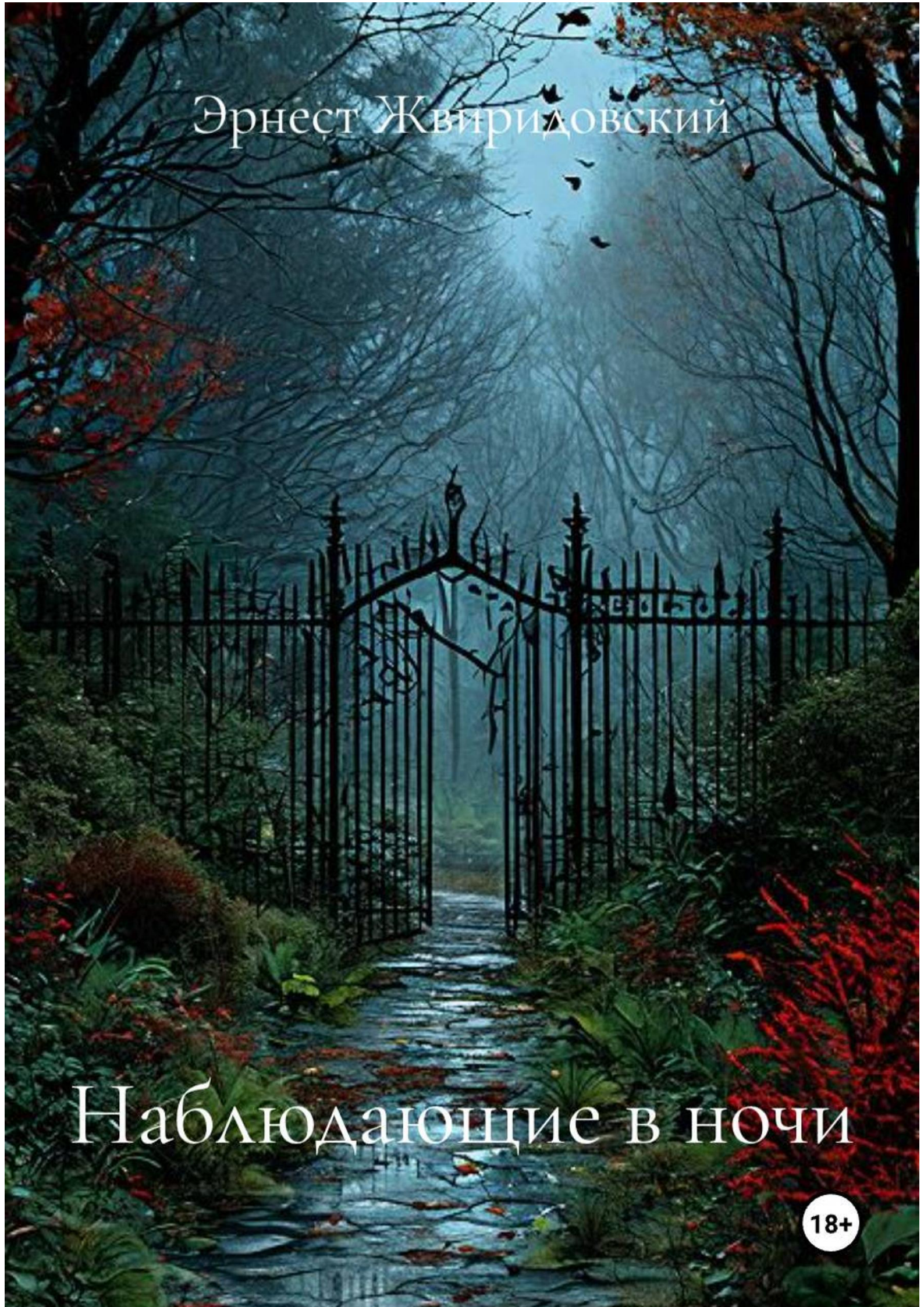

Эрнест Жвиридовский

Наблюдающие в ночи

18+

Эрнест Жвиридовский
Наблюдающие в ночи

«Автор»

2026

Жвиридовский Э.

Наблюдающие в ночи / Э. Жвиридовский — «Автор», 2026

Реальность тоньше, чем кажется. В этом сборнике рассказов грань между сном и явью стирается, а привычный мир оборачивается лабиринтом кошмаров. Здесь нет хэппи-эндов. Есть только липкий страх, холодное отчаяние и необъяснимое, что поджидает за порогом. Идеальный выбор для любителей пощекотать нервы перед сном. И помните: некоторые двери лучше не открывать.

© Жвиридовский Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

78 параллель	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Эрнест Жвиридовский

Наблюдающие в ночи

78 параллель

За иллюминатором крошечного Боинга расстилалась крошечная тьма. Доктор Стеллан Хольм прижался лбом к холодному двойному стеклу, пытаясь рассмотреть хоть что-нибудь похожее на землю, но Баренцево море в середине ноября выглядело как чаша, до краёв залитая чернилами. Солнце покинуло эти широты неделю назад, и то, что пилот называл двумя часами дня, на самом деле было глухими сумерками, стремительно растворяющимися в арктической тьме.

Когда самолёт с жутким грохотом сцепился с заледеневшей полосой, доктор выдохнул. Он прилетел из Тромсё в Лонгйир спецрейсом по срочному и очень конфиденциальному запросу руководства университета. Там Хольм оставил уютную частную практику, светлую квартиру с видом на фьорд и пациентов с понятным, цивилизованным выгоранием. Здесь, на семьдесят восьмой параллели, его ждали полярный психоз, массовая истерия и труп в ледяном гроте.

Уже через два часа Хольм сидел в мягком кресле в кабинете, который ему предоставил Университетский центр на Свальбарде. Запах свежепоклеенных обоев и новенькой мебели из ИКЕА вызывали дискомфорт. Единственное окно было завешено тяжёлыми плотными шторами, а мощная яркая лампа под потолком, имитирующая холодный дневной свет, неприятно слепила. Всё это должно было каким-то образом помочь ему обмануть биологические часы.

— Вы часто пьёте кофе? — спокойным, монотонным голосом, каким их всегда и учили, проговорил Хольм.

— А вы как думаете, доктор? — нервным, дрожащим голосом проскрипел парень напротив.

На его бледно-сером лице были ещё не зажившие царапины, впавшие глаза хаотично бегали по орбитам, зрачки расширены, а трясущиеся руки он то скрещивал на груди, то прятал в карманы. Подушечки пальцев и костяшки на них имели желтоватый оттенок, видимо, из-за переохлаждения. Под ногтями Хольм заметил что-то похожее на кожную ткань с кровью.

— Вы можете рассказать мне всё с самого начала? — доктор взял личное дело Эспена Нильсона — студента кафедры гляциологии, блокнот и перьевую ручку.

— Под руководством профессора Бакке мы отправились в двухнедельную экспедицию к горе Саркофаген, — Нильсон пытался говорить ровно и складно, но всё равно периодически запинаясь.

— Сколько всего человек было в группе? — Хольм наблюдал за каждым движением парня, то и дело оставляя заметки в блокноте.

— Вместе с профессором — семь, — студент зажмурился, достал руки из карманов и начал тереть ладони.

Резкий порыв ветра ударил в окно, и Нильсон дёрнулся, уставившись в сторону источника звука.

— Продолжайте, — Хольм заметил, что парень завис, уставившись на окно. — Эспен, — окликнул его доктор.

Парень вернул безумный взгляд обратно на Хольма.

— Из-за сильной бури мы расставили палатки прямо в ущелье, — Нильсон облизал высохшие губы и тут же вытер их рукавом. — Всё началось в первую же ночь, — почти шёпотом проговорил он.

— Что началось, Эспен?

Парень зажмурился изо всех сил, и в уголках его глаз скопилась влага.

— Я никак не мог разбудить его, — он начал заикаться ещё сильнее, и тряслись уже не только руки, а всё тело.

— Вы имеете в виду Руаля Берга? — сделав запись, спросил доктор.

Тот кивнул и вытер сорвавшуюся слезу.

— Что было дальше? — Хольм снова сконцентрировал взгляд на студенте.

— Он издавал такие звуки... — Нильсон замялся. — Будто ему наступили на горло. Такой... тихий, скрипящий стон. Руаль проснулся и рассказал, что кто-то сидел у него на груди и давил на неё, не давая вдохнуть.

— Вы говорите про сонный паралич? — спокойно уточнил доктор.

— Он так и сказал, — поспешил добавить парень. — Но он не должен длиться больше пары минут, так ведь?

— Сколько же он длился?

— На пятый день Руаль не просыпался до рассвета, — в голосе парня был неподдельный, почти животный страх.

Доктор выпрямился в кресле и внимательно посмотрел на студента.

— К седьмому дню его уже было не узнать, — продолжил Нильсон. — Он не мог уснуть днём, а ночью не выходило не спать. Начал слышать звуки, голоса. А после начались зрительные галлюцинации.

— Он упоминал, что он видел в эти моменты?

— Да, кажется, — замялся парень. — Какие-то тени. Вроде бы. Сначала Руаль видел их лишь боковым зрением, мельком, а после они не покидали его ни на секунду.

Хольм после каждой фразы парня делал записи.

— В ночь мы дежурили по очереди. Каждый час сменяли друг друга. Кроме Руаля, конечно. Все дежурные наблюдали ещё и за ним, — Нильсон сделал короткую паузу и тяжело вздохнул. — Я проснулся, а передо мной стоял он, с карабином в руках.

За стеной громко загудела вентиляция, а ледяной ветер усиливался, и казалось, что вот-вот ворвётся сквозь стены прямо в кабинет.

— Дежурный задремал, и Руаль взял в палатке профессора оружие, которое мы используем против медведей, — Нильсон сглотнул, собирая в голове слова в правильном порядке. — Он сказал, что больше не хочет спать, улыбнулся и сунул ствол себе в рот, — парень зарыдал и обхватил голову руками.

— Мы можем сделать перерыв... — успокаивающим голосом начал Хольм.

— Помогите нам, доктор! — прервал его Нильсон, повысив голос.

Хольм замер, видя, как парень теряет контроль над собой.

— Мы вернулись из пещеры пять дней назад, и жизнь превратилась в ад, — он положил трясущиеся ладони на стол перед доктором, и костяшки пальцев словно отбивали чечётку на лакированном дереве. — Днём уснуть невозможно. Я перепробовал все седативные, которые только смог найти. Но как только солнце полностью уходит за горизонт... — он сглотнул и зажмурился. — Не уснуть тоже нельзя. Вчера я уколол себе лошадиный транквилизатор, — Нильсон закатал рукав, и Хольм увидел огромный синяк от очень грубо поставленной инъекции. — Но всё равно провалился в сон.

— Это небезопасно, Эспен, — кивнув на его руку, сказал доктор. — Вы могли нанести непоправимый ущерб здоровью или, что ещё хуже, умереть.

Свет в кабинете на мгновение замерцал, и парень уставился в потолок. Хольм не окликал его, наблюдая и записывая.

— Я не мог пошевелиться, хотя уже и не спал, — переводя взгляд с лампы на доктора, продолжил студент. — Он сидел у меня на груди и давил, давил, давил... Шептал. Не могу вспомнить что. Такое чувство...

— Кто сидел у вас на груди? — спросил Хольм. — Это был ваш друг Руаль? Или это была ещё какая-то сущность?

— Я не хочу больше спать, — с мольбой в глазах прошептал Нильсон. — Помогите мне. Хольм отложил ручку и блокнот в сторону.

— Я пропишу тебе лекарство, которое поможет тебе уснуть без всяких сновидений.

— Вы меня не слушаете?! — голос парня срывался на крик. — Я не хочу спать! Не хочу больше видеть и чувствовать это! Пока солнце не встанет, оно не уходит! Вы хоть представляете, какого это?! Через три дня солнечный свет исчезнет полностью, и ночь продлится три месяца! Понимаете?!

Хольм откинулся на спинку кресла и внимательно всматривался в лицо пациента. В кабинете повисла оглушающая тишина.

— Вы можете возвращаться в палату, — спокойно произнёс доктор. — Я вас навещу после того, как побеседую с остальными членами группы. Вам дадут сильное успокоительное, а вы попробуете просто отдохнуть.

— Какой в этом всём смысл?! — Нильсон вскочил, и стул опрокинулся на пол, глухо ударившись о мягкий ковёр. — Они вам скажут то же, что и я! Нам нужна помощь, а не слова!

В кабинет вошёл санитар и вопросительно посмотрел на Хольма.

— Проведите пациента в его палату, будьте добры, — доктор перевёл взгляд на Нильсона. — Я помогу вам, даю слово.

Парень отмахнулся и направился к двери. У самого выхода он остановился, повернул голову и через плечо посмотрел на Хольма.

— Совсем скоро помощь нам уже не понадобится, доктор.

Санитар пропустил вперёд Нильсона и вышел вслед за ним, тихо прикрыв дверь.

Хольм тяжело выдохнул, протёр глаза и встал с кресла. Переваживая информацию, он направился к рабочему столу. Доктор положил на него свой блокнот с записями и достал из кармана старенький кассетный диктофон. Хольм зажал кнопку, и со скрипящим звуком плёнка в приборе закрутилась.

— Пациент Эспен Нильсон, студент, 22 года. Жалобы на страх засыпать. Также невозможность уснуть днём и неконтролируемые провалы в сон ночью с удушьем и давлением на грудь. Тактильные галлюцинации — пациент ощущает, что кто-то сидит на груди. Вербальные галлюцинации в виде шёпота, неразборчивого содержания. Не исключая зрительные галлюцинации, так как пациент периодически фиксирует взгляд на окне, потолке или других поверхностях.

Внешне отмечаю бледность, гипергидроз, тремор рук и всего тела, тахипноэ, расширенные зрачки, хаотичные саккады, нарушение контакта — периодически "зависает", эмоциональная лабильность с переходом в крик и рыдания, снижение критики. Также у пациента имеется гематома на локтевом сгибе от грубой инъекции и подногтевое содержимое — предположительно кожная ткань с кровью. Возможно — саморасчёсы.

Анамнез: травматический опыт — суицид коллеги на глазах, пятидневное ухудшение после возвращения из пещеры. Седативные неэффективны, использовал ветеринарный транквилизатор.

Состояние расценено как острое психотическое с суицидальной настроенностью. Госпитализацию продлить обязательно.

Как только он закончил записывать мысли на плёнку, в дверь постучали и вошла молодая девушка. Хольм сразу же понял, что это очередной член группы. Внешний вид мало чем отличался от прошлого пациента.

— Здравствуйте, — поприветствовал её доктор и указал ладонью на кресло. — Располагайтесь, пожалуйста.

Девушка молча прошла мимо него, словно призрак, и бесшумно опустилась в кресло.

Хольм тяжело вздохнул, натянул лёгкую приветливую улыбку и пошёл к столу за блоком и ручкой.

Через несколько часов все члены группы, кроме их профессора, побывали у него в кабинете. Тот не явился на приём, передав санитарам, что непременно заглянет завтра. Доктор, не вставая с кресла, нажал на диктофоне кнопку записи и монотонным уставшим голосом заговорил.

— У всех членов группы — синхронный сдвиг восприятия реальности. Началось всё не с психики, а с телесного ощущения во время сна: тяжесть, давление на грудь, невозможность вдохнуть. Затем — акустический феномен: шёпот без слов, который не воспроизводится по памяти. Потеря автономии сна. Человек перестал быть хозяином собственного засыпания. А суицид одного из группы — не депрессивный, а освобождающий. Он улыбнулся перед выстрелом. Это не отчаяние. Это — решение проблемы.

Хольм закрыл глаза, прокручивая мысли в голове. Он держал два пальца на виске, слегка массируя его.

— Я исключаю классический полярный психоз. При нём нет такой сохранности критики в бодрствовании. Также и отравление газом. Слишком избирательно — поражает только сон, не когницию. Массовая истерия не подходит. Слишком конкретные, одинаковые тактильные ощущения. Пока я останавливаюсь на посттравматическом стрессовом расстройстве с диссоциативными симптомами, осложнённом тяжёлой гипнической фобией на фоне полярной депривации циркадных ритмов.

Хольм выдохнул и нажал кнопку, завершая запись. Он откинулся на спинку кресла, расслабив всё тело, одновременно выжимая всю впитанную информацию из головы, доверив записи на кассете нести это бремя вместо него. После перелёта, обжигающего холода и выматывающей работы, Хольму хотелось быстрее лечь на свою одноместную кровать в стареньком, но вполне комфортном отеле. Он начал проваливаться в сон, но тут же вскочил, не желая проснуться утром в кресле с затёкшим телом и тяжёлой головой. Хольм снял пальто с крючка, открыл дверь и уже через десять минут был в отеле. Благо тот находился на соседней улице, так что ему не пришлось долго и мучительно пробираться по заснеженным тротуарам сквозь ледяной ветер, сопровождаемый непроглядной метелью.

Ещё спустя двадцать минут, после горячего душа и чашки ромашкового чая, Хольм, укрытый почти с головой тёплым перьевым одеялом, погружался в долгожданный сон.

До полярной ночи осталось три дня.

Хольм резко открыл глаза. Пробежав ими по комнате, он не заметил ничего необычного, что могло бы нарушить его сон. Да и мысли слишком ясные для такого резкого пробуждения. Доктор решил перевернуться со спины на бок, но тело даже не шелохнулось.

«Так, понятно».

На грудь опускалась невидимая тяжесть, не дающая сделать нормальный вдох. Вместо этого поступала лишь тонкая струйка воздуха, вдыхаемая с тихим свистом. Сердце ускоренно билось о грудную клетку, отдаваясь стуком в висках и расплываясь эхом по черепной коробке.

«Классический сонный паралич. Атония мышц. Резкое пробуждение на фазе быстрого сна. Сердцебиение учащённое — около ста двадцати ударов. Всё сходится».

Взгляд Хольма упал в тёмный угол. В нём, почти полностью сливаясь с темнотой, стояла человекоподобная тень. Никаких точных очертаний. Только тёмный непрозрачный силуэт.

«Гипнагогическая галлюцинация. Зрительный образ, порождённый переходным состоянием между сном и явью. Частое явление при сонном параличе. Полная проекция страха».

Грудь сдавливало всё сильнее, а тень медленно приближалась к его кровати и смотрела на него. У неё не было глаз, и вообще, самого лица, но её взгляд он ощущал каждым сантиметром своей кожи.

Желание сделать глубокий вдох, чтобы наполнить сдавленную грудную клетку, Хольм тут же отогнал.

«Попытка сделать глубокий вдох непременно приведёт к панике, что сделает выход из состояния паралича более продолжительным и дискомфортным. Фокус только на диафрагмальном дыхании. Вдох на четыре счёта, выдох на шесть. Так я быстрее успокою нервную систему».

Хольм знал механизм и объяснял его сотни раз своим пациентам. Он даже лекцию читал на эту тему в Тромсё. Доктор с юности не испытывал сонный паралич, и ему казалось, что выходить из данного состояния было тогда гораздо проще.

Тяжесть на груди не уходила, а только нарастала. Хольм услышал, как хрустнули рёбра — негромко, противно.

«Показалось? Галлюцинации ведь могут быть и тактильными. Да, конечно. Всё в пределах нормы».

Доктор водил глазами по кругу и безуспешно пытался моргать. Попытка подвигать языком или сглотнуть провалилась. Горло словно сдавило невидимой рукой. После нескольких попыток он всё же смог подвигать пальцами ног. Затем дёрнулись пальцы рук. Хольм услышал бессвязный шёпот, вперемишку с белым шумом, но тот раздавался не снаружи, а будто у него в голове. Наконец-то получилось моргнуть, но, подняв веки, доктор увидел тень, стоящую перед ним уже в упор. Она плавно наклонялась ближе к лицу, а шёпот в голове становился всё громче. Собрав всю волю в кулак, доктор с трудом закрыл глаза.

Хольм дёрнулся, словно падал во сне, и резко сел на кровати, жадно хватая ртом воздух. Болезненный стук в висках оглушал его. Он посмотрел в угол комнаты, затем огляделся вокруг. Никого. Доктор вытер мокрое от пота лицо уголком одеяла и встал с кровати. Он бросил взгляд на часы, стоявшие на прикроватной тумбочке, и если им верить, то сон продлился не более нескольких минут.

«Перелёт, усталость, пять пациентов за полдня с одинаковыми проблемами. Ничего необычного. Сонный паралич в таком случае — это норма».

Хольм открыл кран и набрал стакан воды. Залпом осушив его, он лёг обратно в кровать и уже через несколько минут без проблем уснул. Без каких-либо сновидений.

Настойчивый, громкий стук в дверь номера разбудил Хольма. Он приподнялся, опираясь на локти, и бросил взгляд на часы.

«Ещё только пять утра. Кому я вдруг понадобился?»

Доктор спустил ноги на пол и нащупал ими тапочки. Стук не прекращался и начинал вызывать раздражение. Хольм взял телефон с тумбочки и разблокировал экран.

«Чёрт подери! Тринадцать пропущенных! С каких это пор я не слышу, когда звонит телефон?»

Он быстрее пошёл к двери, понимая, что это может быть чем-то важным.

Не успел Хольм открыть дверь, как в проёме показалась голова одного из санитаров.

— Доктор Хольм! — встревоженно затараторил тот. — Вас срочно вызывают в клинику!

— Что случилось? — доктор, морщась от яркого света, спросил.

— Несчастный случай, — санитар вдохнул, набирая больше воздуха в лёгкие. — С вашим пациентом. Там полиция...

— Как имя пациента? — прервал его Хольм.

— Эспен Нильсон, доктор.

«Господи! Надеюсь, он не сделал этого».

— Через пять минут буду готов.

— Я подожду вас на парковке у отеля, — кивнул санитар и побежал к выходу.

Хольм спешно умылся, почистил зубы и, надев вчерашнюю одежду, выбежал из номера. Вчера ему не хватило сил разбирать чемодан, а сегодня уже на это нет времени.

Доктор быстро сбежал вниз по лестнице, пробежал мимо ресепшена, распахнул двери и вышел из отеля. Ледяной ветер сразу же ударил ему в лицо. Хольм натянул капюшон на глаза, опустил голову, пряча лицо от ветра, и направился к заведённой машине.

— Вы сможете передать нам личное дело погибшего и всю информацию, связанную с ним? — полицейский закрыл блокнот и спрятал его в нагрудный карман.

— Конечно, — согласно кивнул Хольм и тяжело откинулся на спинку кресла.

— Спасибо за содействие, доктор, — офицер опёрся руками о стол и успел привстать.

— Извините, — вдруг остановил его Хольм. — Я понял, что Нильсон покончил с собой, — доктор слегка замялся. — Но как именно он это сделал?

Полицейский замер, оглянулся через плечо на дверь и сел обратно в кресло.

— Он разбил кружку и одним из осколков вырезал свои глаза, — тихо начал говорить офицер.

— Господи, — с ужасом в голосе прошептал Хольм.

— Именно вырезал, а не выколол, — продолжил полицейский. — Будто хотел не просто лишиться себя зрения, а избавиться от самих глаз. — Рядом с дверью слышались шаги, и офицер снова обернулся. Спустя несколько секунд он вернул взгляд на Хольма. — После этого парень вскрыл вены. И всё это произошло вечером, когда в клинике полно народа и персонал регулярно осматривает палаты. Обычно такое совершают ночью, когда никто не сможет остановить.

— Верно, — согласился Хольм, сидя с задумчивым и испуганным видом.

— Мне пора, — офицер встал с кресла и направился к выходу. — Я вам ничего не говорил, доктор.

— Да, конечно, — Хольм встал из-за стола. — Спасибо вам.

Офицер вышел из кабинета, и доктор упал обратно в кресло.

«Всё намного серьёзнее, чем я предполагал. Нужно срочно взять всех остальных членов группы под круглосуточный контроль, чтобы не допустить подобное снова. Когда они узнают о Нильсоне — это раздавит их, сделает ещё более уязвимыми».

Хольм отвлёкся от своих мыслей из-за непривычно трясущихся ладоней. Он удивлённо уставился на них, а после поспешно сцепил их в замок, будто пытаясь скрыть от себя волнение и страх.

Четверо оставшихся членов группы проспали до самого рассвета. Попытки разбудить их раньше не увенчались успехом. Во время беседы Хольм заметил ухудшение состояния у каждого из них. Но смерть Нильсона, вопреки мнению доктора, никак не повлияла на студентов, будто они знали, что так и должно было произойти. Видно, что они сдались и бороться дальше не собираются. Но Хольм даже и не думал опускать руки. Персоналу клиники он поручил проверять состояние студентов каждые пятнадцать минут.

Профессор Бакке так и не появился в кабинете доктора. Для полноты всей картины произошедшего беседа с ним была крайне необходима. Хольм решил сам навестить его в университете на следующий день. А на сегодня уже достаточно. Доктор довольно поздно вернулся из

клиники в свой номер. Голова казалась невероятно тяжёлой, а всё тело ватным. Ему хватило сил только снять с себя одежду и сразу же лечь в кровать. Комната перед глазами завертелась и медленно погрузилась во мрак.

До полярной ночи осталось два дня.

«Неужели опять? Что за чёрт?»

Тело Хольма было намертво приковано к кровати. Он сразу же начал с попыток подвигать пальцами на ногах и руках. Пробежав глазами по комнате, доктор никого не увидел. Он бросил взгляд в злополучный угол, но и там было пусто. Гнетущее чувство чьего-то присутствия окутывало его, вызывая неконтролируемый приступ паники. Сердце ускорялось с каждой секундой, и каждое его биение с болью отдавалось в висках. Дыхание стало частым, прерывистым. Воздуха уже не хватало.

«Так. Это всего лишь сонный паралич. Диафрагмальное дыхание. Вдох на четыре счёта. Выдох на шесть. Четыре, три... Три... Два... Чёрт! Не могу!»

Внезапный писк в ушах оглушил Хольма, но тут же сменился на шипящий шум, в котором можно было различить холодный, режущий душу голос.

«Да сколько это будет ещё длиться?!»

Хольм стал отчаяннее пытаться двигать конечностями. Дыхание всё никак не приходило в норму, а мозг готов был разорваться от шума. Внезапно стало так тихо, что звук биения сердца доктора, казалось, заполнил собой всё помещение.

Справа от Хольма, прямо у кровати, послышался тихий хруст. Через мгновение ещё раз. И ещё. Худая, холодная и липкая рука вцепилась в грудь доктора. Боль рвущейся кожи захлестнула разум Хольма, а при попытке закричать из его рта вырвался лишь глухой хрип. Вторая рука вцепилась в живот. В глазах доктора посыпались искры, и на мгновение у него получилось опустить веки. Ему даже показалось, что пальцы на ногах немного зашевелились.

«Наконец-то! Сейчас всё закончится!»

Невыносимая тяжесть на груди заставила Хольма открыть глаза.

«Господи!»

Сверху на себе он увидел старуху. Жёлто-серая обвисшая кожа, разорванные кровотокающие губы, искривлённые в мерзкой ухмылке, и мокрые тёмные волосы, едва прикрывающие её пустые чёрные глазницы.

Хольм с трудом закрыл глаза. Сделать даже маленький вдох было невозможно, и страх неминуемой смерти теперь заполнял его разум.

«Это всего лишь... галлюцинации... Когда открою глаза... я проснусь. Мозг проецирует... кошмары... Только и всего... Это всё не по-настоящему...»

Старуха пальцами сжала его веки и потянула с ужасающей силой на себя. Хольм захрипел от невыносимой боли.

«Господи! Пожалуйста! Хватит!»

Глаза защипало. Что-то тёплое затекало прямо в них, лишая доктора способности видеть. Старуха наклонилась к его лицу. Запах разлагающегося тела ударил по его рецепторам. Длинным, мокрым языком она слизала всю кровь с его глаз, причмокивая от наслаждения. Хольм не мог отвести от неё взгляд, а глаза закрыть вообще больше не мог. Старуха положила себе в рот кусочки кожи, которые раньше были веками доктора, и начала жевать их с отвратительным хлюпающим звуком.

Хольм попытался закричать, но как только его рот слегка приоткрылся, старуха сунула в него кисть. Она сжала его язык и начала медленно тянуть. Полость рта наполнилась кровью. Металлический вкус застрял в горле, расплываясь по его стенкам. После каждой попытки вдохнуть Хольм издавал булькающий звук. Он захлёбывался, а старуха крутила перед его глазами вырванным языком, держа его за кончик.

Как только Хольм начинал терять сознание, она отрывала часть тела, добавляя порцию адской боли. Истязания длились вечно. Доктор мечтал умереть, но старуха явно не собиралась убивать его. Всё это время он не мог дышать, мучался от боли и бесконечно захлёбывался собственной кровью. Но так и не смог умереть.

Хольм с криком вскочил с кровати, упал на пол и начал кашлять. Резко обернувшись к кровати, он начал уползать от неё спиной вперёд. Доктор упёрся в стену и осмотрелся вокруг. Ничего. На светящемся экране часов было чуть больше пяти.

«Шесть часов?! Всего шесть?! Это длилось целую вечность! Три месяца такого кошмара... Неудивительно, что Нильсон выбрал другой путь».

Мокрый от пота Хольм встал на четвереньки, схватился рукой за стол и поднялся. Ноги скользили по деревянному полу. Доктор придерживался о стены, чтобы не упасть. Он взял свой чемодан, достал дорогую бутылку скотча из дьюти фри, открыл крышку и сделал несколько жадных глотков.

«Больше никакого сна».

Полярная ночь наступает сегодня.

Хольм сидел в своём кабинете, нервно постукивая костяшками пальцев по столу и покачиваясь взад-вперёд. Он ждал, когда наступит последний рассвет перед тремя месяцами ночи, чтобы ещё раз поговорить с членами группы.

«Неужели такое вообще возможно? Если я усну сегодня, то не проснусь целых три месяца? До ближайшего рассвета? И буду бесконечно испытывать то, что пережил этой ночью? По крайней мере так говорят эти студенты. Это ведь не просто сонный паралич. О таком я раньше никогда не слышал. И где профессор Бакке? Одни лишь вопросы...»

Снаружи послышался шум и крики. Хольм вскочил с кресла и вышел в коридор. В одну из палат толпой забегали медработники. Женский отчаянный крик разлетался по всему этажу, отдаваясь вибрацией в стенах. Доктор подбежал к палате и замер. Девушка, один из членов группы профессора Бакке, изо всех сил старалась вырваться из рук санитаров. Её глаза были наполнены безумием, а всё лицо измазано в крови. Двое крепких мужчин в медицинских халатах уложили девушку и привязали к койке за руки и ноги. Она не переставала истошно кричать, захлёбываясь слезами.

— Что происходит? — Хольм остановил за руку одного из санитаров.

— Она разбивала свою голову о стену, — тот кивнул на расплывшееся кровавое пятно.

— Господи, — прошептал доктор. — А она говорила что-нибудь?

— Бормотала на немецком, но никто ничего не понял, — санитар пожал плечами. — А потом начала орать.

— Понятно, — тихо сказал Хольм, не сводя глаз с девушки. — Спасибо.

Доктор тут же отправился проверить остальных членов группы. Заглянув в окошко каждой палаты, он не увидел ничего подобного, как с той немкой. Все остальные либо сидели и смотрели в одну точку, либо лежали, уставившись в потолок. Жизни в их лицах уже не было. И Хольм ни капли этому не удивился, вспоминая прошлую ночь.

Хольм прождал ещё несколько часов, но надежда увидеть профессора Бакке так и не оправдалась. Доктор открыл записную книжку, отыскал телефонный номер приёмной университета и набрал его.

— ЮНИС, добрый день, — уже через секунду ответил женский, слегка болезненный голос.

— Здравствуйте, — начал Хольм. — Я могу услышать профессора Бакке?

— Простите, а кто его спрашивает? — после нескольких секунд молчания спросила женщина.

— Ах, да, прошу прощения. Это доктор Андреас Хольм, — он сдавил пальцами переносицу и зажмурился. — Мы должны были встретиться с профессором Бакке в моём кабинете ещё позавчера, но, к сожалению, он так и не пришёл. Я просто хотел узнать, всё ли с ним в порядке?

По ту сторону провода снова повисло молчание.

— Мне жаль говорить вам об этом, доктор Хольм, — женщина начала говорить тем голосом, после которого всё становится понятно. — Но профессор Бакке вчера утром был найден мёртвым у себя дома. Мне очень жаль.

Хольм замер, а в голове эхом пронёсся шёпот с прошлой ночи. Он сбросил вызов, не дослушав женщину, и закрыл уши ладонями. Голос становился громче и более чётким. Доктор зажмурился изо всех сил.

Неожиданно дверь распахнулась, и в кабинет чуть ли не влетел санитар. Хольм подскочил с кресла. Голос мгновенно затих.

— Доктор! — запыхавшийся мужчина пытался связывать слова в предложение. — Та девушка, немка...

— Что с ней? — испуганно выдавил Хольм.

— Она мертва.

— Что?! — выкрикнул доктор, выходя из-за стола и направляясь к выходу. — Как?!

— Она... Она... — всё ещё не мог отдышаться санитар.

— Ну?! — Хольм терял терпение, а его разум заполнялся страхом. Всё тело покрылось тысячей мурашек, и он уже готов был сбежать с этого проклятого острова.

— Мы её привязали, а она откусила себе язык и захлебнулась кровью, — запинаясь, пробормотал санитар.

Хольм опёрся рукой о стол. Пол под ногами стал слишком мягким, зыбучим. Ему казалось, что его засасывает под него, и если он не будет держаться за что-нибудь, то непременно утонет.

«Мне здесь не место. Нет, нет, нет. Я не должен быть здесь. С меня хватит!»

Доктор молча снял куртку с крючка и вышел из кабинета.

Такси медленно продвигалось по замёрзшей, занесённой снегом дороге. От сильного ветра машину покачивало из стороны в сторону. Через стёкла было ничего не разглядеть, но Хольм не сводил взгляд с темноты, надеясь скорее увидеть огни аэропорта. Нога доктора непроизвольно дёргалась, а руки тряслись от нарастающей паники. Каждые несколько минут он смотрел на часы. До аэропорта Свальбард от города примерно пять километров, но казалось, что они едут уже несколько часов. Наконец-то Хольм увидел слабое свечение, и таксист прибавил ходу на более расчищенной дороге. Вокруг терминала была кромешная тьма, подсвеченная только огнями ВПП и прожекторами. Машина остановилась.

— Сдачи не нужно, — Хольм сунул водителю купюру в пятьсот крон, взял чемодан и выскочил из такси, хлопнув дверью.

— Всего доброго, — удивлённо пробормотал тот и, не задерживаясь, уехал обратно в сторону города.

Терминал аэропорта Свальбард снаружи казался просто серым металлическим ящиком, затерянным в ледяной арктической пустыне. Но внутри было очень тепло, слегка пахло авиационным керосином и кофе. Весь зал ожидания сжимался до размеров небольшого школьного спортзала, а по центру стояло чучело белого медведя, наблюдавшего за немногочисленными людьми, проходящими мимо него.

— Ближайший рейс с острова, пожалуйста, — нервно протараторил Хольм, подойдя к стойке регистрации. — Куда угодно.

— Добрый вечер, — девушка вежливо улыбнулась и повернулась к монитору компьютера, застучав по клавиатуре. — Ближайший и единственный самолёт на сегодня — это прямой рейс до Осло. Вылет в девятнадцать сорок пять.

Хольм посмотрел на часы и нервно улыбнулся.

«Восемнадцать десять. Я успею покинуть остров».

— Оформляйте, — с натянутой улыбкой и дрожащими губами произнёс Хольм.

— Мне понадобится ваш паспорт или национальное удостоверение личности, — приятным до раздражения голосом проговорила девушка.

Хольм достал паспорт, банковскую карту и протянул их ей.

— Всё в порядке. Оплата прошла, — через несколько минут сказала девушка и протянула бумажные прямоугольники доктору. — Вот ваши посадочные талоны. Пожалуйста, проходите на паспортный контроль и досмотр. Приятного полёта.

Хольм молча взял билеты и спешно направился в сторону своего спасения.

Через полтора часа, пройдя досмотр и дождавшись посадки на самолёт, Хольм уже сидел на своём месте у окна, устало откинувшись на спинку сиденья.

Зашипели динамики, и прозвучал голос пилота — спокойный, уверенный, слегка вальяжный, как и подобает опытному полярному волку.

— Добрый вечер, дамы и господа. Говорит капитан корабля. Рад приветствовать вас на борту самолёта авиакомпании Скандинавиан Эйрлайнс, выполняющего рейс Эс-Ка сорок четыре девяносто семь по маршруту Лонгйир — Осло, Гардермуэн. Погода в аэропорту Свальбард сегодня довольно капризная, дует сильный ветер и идёт снег, но как только мы возьмём курс на юг, полёт должен пройти спокойно. Время в пути до Осло сегодня составит ровно два часа и пятьдесят пять минут.

Шум за бортом усиливался. Из-за обезумевшего ветра, казалось, самолёт начинал раскачиваться. Хольм прикусывал губы, а ноги практически перестали подчиняться хозяину и готовы были сорваться в пляс. Веки слегка приопускались, но доктор всё ещё находил силы держать их открытыми.

«У меня ещё есть время».

Внезапно самолёт дёрнулся, и свет на борту замигал. На мгновение Хольм увидел тень рядом со шторкой, где прячутся стюардессы. Сердце больно ударилось о рёбра и замерло. Всего мгновение — и свет снова горел без перебоев. Немногочисленные пассажиры громко зашептались, а кто-то даже усмехнулся.

Спустя несколько минут снова зашипели динамики. Теперь голос пилота был твёрдым и серьёзным, с нотками извинений.

— Дамы и господа, говорит капитан корабля. Приношу свои извинения, но у меня для вас крайне неприятные новости. Наземные службы аэропорта Свальбард только что передали экстренное штормовое предупреждение. Снежная буря усилилась, видимость на взлётно-посадочной полосе упала практически до нуля, а порывы бокового ветра превышают допустимые нормы для безопасного взлёта. В целях вашей безопасности наш полёт до Осло сегодня отменяется. Рейс переносится на завтрашний день.

Дальше Хольм уже ничего не слышал. Все остальные слова смешались с белым шумом в его голове.

За иллюминатором крошечного Боинга расстилалась кромешная тьма. Доктор Стеллан Хольм прижался лбом к холодному двойному стеклу и с пустым, отчаянным взглядом смотрел в чёрную пустоту.

Впереди три месяца ночи — и уже хочется спать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.